

говые положения и выводы базируются на солидном теоретическом и эмпирическом материале, что присутствует очевидная и существенная новизна в постановке и разрешении проблем, что итоги работы прошли надежную и своевременную апробацию с тем, чтобы профессиональное сообщество криминалистов смогло заблаговременно познакомиться с основными подходами и результатами поиска, что автор доказал свое право на признание себя научной средой в качестве состоявшегося учёного. Автореферат отражает основные положения диссертации полностью и без искажений. Весьма информативны, наглядны, убедительны и полезны для лучшего усвоения текстового материала Приложения к диссертации (том II объёмом 272 машинописные страницы).

Тексты диссертации и автореферата к ней убеждают, что избранная соискательницей проблема оказалась ей по плечу. Это подтверждается: 1) фронтом и глубиной анализа поднимаемых вопросов; б) объёмами задействованных источников и оценённых точек зрения; в) умением видеть пока не получившие достойного разрешения в науке и законодательстве узловые вопросы и предлагать вполне приемлемые варианты реагирования на них; г) спо-

собностью вести заочную полемику с авторитетами уголовного права и филологии, попутно демонстрируя искреннее уважение к предшественникам и генеалогии уголовно-правовой теории вообще; д) качеством и стилистикой выводного знания.

Итожим: по всем аттестационным показателям (актуальность и масштабность темы, самостоятельность исследования, достаточная новизна положений, состоятельность избранной методики анализа, уверенно прогнозируемые научное и практическое значение полученных результатов, убедительная апробация взглядов соискателя в профессиональной среде криминалистов до защиты диссертации) рецензируемый труд имеет право на признание и поддержку в науке. Это обстоятельство, а также продемонстрированное претендентом умение видеть проблемы, двигаться к их разрешению и формулировать выводное знание сообщают нам решимость рекомендовать специализированному Совету Д 212.135.04, созданному на базе ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет», присудить Александре Ивановне СИТНИКОВОЙ учёную степень доктора наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

6 февраля 2014 года
УДК 342

Акопов Л.В.

ГОСУДАРСТВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

В настоящей статье подвергнуты анализу изданные в 2012 – 2014 годах крупные монографические исследования, посвященные проблемам государства и государственной власти в их научно-теоретическом и политико-правовом осмыслении.

In this article the author analyzed three monographic investigations, which devoted to problems of state and state's power increasing in the third millennium

Ключевые слова: Государство, государственная власть, правовое государство, происхождение государств, признаки государства, гражданское общество, конституция, устройство государства, функции власти.

Keywords: the state, state's power, the law state, civil society, constitution, the functions of state's power.

В последние несколько лет в научной юридической литературе возродился активный исследовательский интерес к проблематике государства и государственной власти через призму их теоре-

тического осмысления на основе комплексного подхода. Так, например, довольно обстоятельная монография коллектива авторов, посвященная исследованию теоретико-правовых, методологических, исторических и правокультурных аспектов феномена государственной власти, была издана в 2012 году [1]. В 2013 г. вышла в свет монография о государстве выдающегося отечественного ученого Ю.А. Тихомирова, в которой осуществлен комплексный анализ современного государства в его системных характеристиках [2]. Наконец, 2014 годом датирована монография С.Г. Павликова, в которой аннотируется попытка уяснения сущности власти в правовом государстве [3].

Рассмотрим подробнее указанные работы в приведенной последовательности. Авторы вышеназванной коллективной монографии поставили своей целью «в рамках отечественного государствоведения...» выявить коренные начала (материального и сознательно-волевого характера), определяющие «сущность, содержание и формы осуществления государственной власти» и раскрыть феномен последней «в теоретической, философско-правовой, исторической, политологической и отраслевой плоскости» [1, с. 4].

В первом разделе этого исследования дается обширный обзор истории идей о власти вообще и конкретно о государственной власти, выделяются такие концепции понимания властеотношений в обществе (и в этом авторы следуют за классификацией А.А. Дегтярева), как атрибутивные, биохевиоралистические теории и интеллектуально-технологические подходы [1, с. 7 – 12]. Здесь же уделено внимание коммуникативному подходу Ханны Арентс, постструктуралистским концепциям М. Фуко, П. Бурдьё, Ж. Деррида и др.

Весьма симптоматичен, хотя и далеко не бесспорен гипостазированный, на наш взгляд, вывод авторов о том, что «формирование общества собственников – неперенная основа свободного демократического общества. Установление реального права собственности позволит создать полноценное гражданское общество, независимое от государства. Именно приватизация является абсолютным императивом для выхода из социалистического феодализма» [1, с. 31] (мною выделено. – Л.А.).

Этот тезис трудно отнести к научно обоснованным, так как, во-первых, гражданское общество не может по определению быть независимым

от государства как такового; во-вторых, авторами монографии не раскрывается словосочетание «социалистический феодализм», которое выглядит как неудачная попытка соединить несоединимые формационные характеристики в эволюции общества (мною выделено. – Л.А.).

Вместе с тем в монографии довольно удачно изложена конституционная формула осуществления государственной власти в современной России, а именно: «... Полновластие народа раскрывается через формируемую народом, ему подчиненную и от него зависимую государственную власть: полновластие (суверенитет) народа в правовом аспекте выступает как верховенство (суверенитет) государственной власти. Чем более государственная власть зависит от народа, чем более четко выполняет его волю, тем выше степень ее верховенства внутри страны и независимости на международной арене, более высок уровень суверенности государственной власти» [1, с. 36 – 37].

Несколько абстрактной и стоящей в стороне от основной проблематики указанной монографии выглядит в главе 1 контекст § 1.5 «Дискурсы государственной власти», основанный на обзоре преимущественно взглядов М. Фуко [1, с. 69 – 79].

В посвященной историко-правовым и методологическим проблемам исследования государственной власти второй главе этой же работы авторы много места уделяют ретроспекции, структурированию и типологии государственной организации социума в различные эпохи его эволюционирования и соответствующего влияния на государственную власть.

Глава третья первого раздела, как мы полагаем, играет центральную роль в этом насыщенном исследовании, так как именно в ней содержится классификация ключевых характеристик государственной власти: ее суверенитета, легальности и легитимности и политико-правовой «силы».

Обращаясь в Разделе II к историко-правовой эволюции государственной власти, начиная с ее зачатков в первобытном обществе и становления в раннеклассовых государствах, авторы осуществляют как бы возврат к «якобы исходному» в анализе избранной проблематики, после чего раскрывают с высоты XXI века критический разбор либеральной модели государственности и социального правового государства [1, с. 183 – 266]. В этом разделе привлекает особое внимание § 2.3, названный «Гражданское государство как переходная ступень

к правовому государству» [3, с. 238 – 266], в содержании которого речь вообще – то идет о гражданском обществе и его связи с государством, но в то же время отсутствует какое-либо обоснование введения в научный оборот не вполне корректного словосочетания «гражданское государство». В силу этого мы не можем согласиться с отнесением этого неудачного «конструкта» к одному из четырех выделенных авторами монографии инновационных этапов «в правовой институционализации современного политического господства» [1, с. 266].

Следует обратить внимание и на третий раздел данного исследования, в котором предполагалось проанализировать эволюцию институтов и национальные основы современной российской государственной власти [1, с. 267 – 374]. По отношению к этой части работы нельзя не заметить того факта, что заявленное намерение продемонстрировать именно актуальный подход к раскрытию национальных основ государственной власти в России третьего тысячелетия, осталось практически нереализованным в силу того, что авторы ограничились здесь в основном сравнением позиций различных теоретиков, не консолидировав собственные воззрения по данному вопросу.

Завершающий раздел этой внушительной монографии представляется более целостным и логически стройным. В нем интересно и достаточно глубоко показаны проблемные направления и выявлены весьма противоречивые тенденции модернизации институтов государственной власти в глобальном измерении [1, с. 375 – 461]. Сердцевиной данного раздела выступает очень содержательный и выверенный в методологическом отношении § 4.4 «проекты постсуверенной трансформации государственной власти» [1, с. 401 – 426]. Мы солидарны с выводом авторов, что «в современной международной глобализационной форме сложилась достаточно противоречивая практика, свидетельствующая о сохранении роли и значения государства вопреки неутешительным прогнозам разного рода ученых и экспертов» [1, с. 461].

Резюмируя вышесказанное, убеждены, что данное весомое монографическое исследование, несомненно, представляет собой успешную форму многогранного историко-теоретического и одновременно философско-правового анализа института государственной власти. Оно вносит существенный

вклад в изучение и научное осмысление феноменологии властеотношений в государстве.

В основу комплексного научного исследования проблематики государства, осуществленного известным российским ученым Ю.А. Тихомировым, положены системные признаки и взаимосвязи государства и общества в их правовом измерении [2]. Как указывает сам автор, исходная позиция его анализа «заключается в обосновании воздействия общества и права на государство. Такой подход позволил выявить современную роль государства, его социально-управленческий потенциал и функции, глубже понять устройство государственных институтов и проблемы их функционирования» [2, с. 7]. Монография действительно отвечает на поставленные вопросы и позволяет оценить этапы развития и функционирования государства с учетом динамики его современных восприятий в науке и политической практике.

Весьма симптоматично название первой же главы монографии «Общественный “мандат” государства». В ней отмечаются классовая природа государства и его общесоциальное предназначение вкпе с указанием Ю.А. Тихомирова на всеобщий характер дел государства в качестве члена мирового сообщества («триада: классовые, общие и всеобщие дела государства» [2, с. 9]). Завершается резюме выводом, что «поведенческий аспект жизни государства является наиважнейшим в современных условиях» [2, с. 42]. Позволим по этому поводу заметить, что поведенческий аспект жизни в государственно организованном обществе играл ключевую роль и во все предыдущие эпохи развития такого сверхинституционального образования, как государство. Уместно привести в подтверждение данного тезиса слова Ю.А. Тихомирова из этой же главы, а именно: «Вспомним характеристики государства как союза народа на основе права, дошедшие до нас из глубины веков, такова животворная эстафета человечества» [2, с. 16]. Интересно, что еще Герберт Спенсер, анализируя поведенческий аспект жизни в родоплеменной организации социума, пришел к выводу: «Прежде, чем явилось правительство в том смысле, в каком мы понимаем его теперь, отношения людей в обществе регулировались разного рода и вида обычаями и обрядностями. Этот вид контроля над поведением можно поэтому считать одним из первобытных зачатков правительственного эле-

мента в обществе» [4, с. XXXIII] (мною выделено. – Л.А.).

Вторая глава названной монографии раскрывает природу и цели современного государства на основе ретроспективного обзора эволюции представлений о государстве, анализа государства в качестве политико-управляющей системы, оценки конституционных императивов государства и выявления его общих и особенных закономерностей вкуче с тенденциями развития.

Автором сформулировано определение государства как универсальной публичной организации общества для управления его общими делами на основе права, исходя из которого удачно охарактеризованы системообразующие шесть групп признаков (элементов) государства [2, с. 56 – 57]. Вполне разделяем и афористичный тезис Ю.А. Тихомирова о том, что «именно конституции содержат системные характеристики соответствующего государства и служат его своеобразной визитной карточкой» [2, с. 66].

Прав Ю.А. Тихомиров и в оценке недостатков сравнительных исследований государств и его институтов, выделяя такие огрехи, как нечеткое установление объекта исследования, когда допускается сравнение неоднородных и несоизмеримых явлений; недостаточный учет исторической конкретики, а также преобладание пассивно-информационного аспекта [2, с. 75].

Вместе с тем нельзя не заметить, что на завершающих главу страницах автор монографии абстрагируется от непосредственного анализа тенденций развития государства и концентрирует свое внимание на циклах развития права (что само по себе весьма интересно) и приходит тем самым к довольно упречному выводу о том, что: «широкий спектр факторов влияния на право повышает эффект саморегулирования в общественной среде» [2, с. 87].

Третья глава монографии под названием «Государство в фокусе права» открывается содержательным параграфом, посвященным рассмотрению права как ценности и меры регулирования, после чего автор переходит к концептуальному анализу правового государства и реальности его осуществления. В последнем случае Ю.А. Тихомиров очень убедительно выделяет основные тенденции в развитии правового государства, отличающие одни группы стран от других с учетом специфических особенностей их государственного строя [2, с. 114 – 115].

Сердцевиной монографической работы Ю.А. Тихомирова выступают глава четвертая «Организация государства и его институтов» в ее сопряжении с главой пятой «Изменение объема и содержания государственных дел». Именно в содержании этих глав глубоко анализируются вопросы устройства государства, разделения властей, функционально-целевые институты и их современное наполнение, динамизм политических режимов и объектов государственного влияния; проблемы государственной службы и правового регулирования государственной собственности, а также рыночной саморегуляции через призму государственного воздействия.

Ряд выводов Ю.А. Тихомирова отличается чеканностью формулировок и носит сугубо принципиальный научный характер, как то:

– «Построение государств, их устройство призваны соответствовать их основным целям и функциям, ... отражать перемены, происходящие в социальной среде... Стабильность организационных и структурных форм гарантирует устойчивость страны в сложном потоке мирового развития» [2, с. 130 – 131];

– «Единство государственной власти означает единую природу ее институтов, общие цели и принципы деятельности... Власть «связана» законом в интересах общества – таков смысл ее организации» [2, с. 143];

– «... Политические режимы служат чутким барометром отношений между государством и гражданским обществом. При балансе их интересов режимы сохраняют устойчивость, при смещении этого баланса в ту или иную сторону режимы меняются в разных направлениях и нужно изучать условия существования и смены режимов объективно и постоянно» [2, с. 168];

– «... Использование разных режимов государственной собственности способствует выполнению ее высокой роли в развитии экономики и укреплении суверенитета государства» [2, с. 202] и др.

Ю.А. Тихомиров в своей монографии также уделил пристальное внимание проблемам совершенствования механизма государственного управления, преодоления конфликтов в государстве, обеспечения эффективности правосудия и административной юстиции (главы 6 и 7).

Восьмая глава работы, названная «Государство в мировом сообществе», содержит взвешенные научные оценки критериев сохранения суверенитета

государств в условиях глобализации и развития интеграционных процессов, а также становления «нового правового пространства» [2, с. 273 – 287].

Здесь же проанализирована динамика соотношения и взаимовлияния норм международного права и национально-правовых норм [2, с. 287]. Полагаем весьма справедливым итоговый вывод автора, а именно: «Формирование общих правовых пространств в разных сферах жизни общества и мирового сообщества становится актуальной задачей. Ее решение требует гибкого сочетания национальных, международных и корпоративных регуляторов, облегчающих человеку свободу развития и самовыражения» [2, с. 306].

Завершающая монографию глава, символично названная «Дальние пути государств», раскрывает типичные закономерности и тенденции развития государственности. Отмечая раздвигание привычных границ правовых пространств, автор исследования полагает, что «будет и дальше меняться политическая карта мира под влиянием национальных интересов и стремления к их выражению в самостоятельных государственных формах» [2, с. 313]. Ю.А. Тихомиров также предвидит «изменения баланса государственных функций, связанных с делами общества и мирового сообщества», что, по его мнению, «вряд ли приведет к полной деэтизации большого объема публичных дел» [2, с. 314].

Импонирует нам и следующее предложение Ю.А. Тихомирова: «Нужно развивать научную футурологию общества и государства. Для этого необходимо использовать степень сходства существования государств в одинаковых конкретно-исторических условиях. Наука может дать ответы на соответствующие вопросы» [2, с. 314] (выделено мною. – Л.А.).

Добавим лишь, что в данной монографии замечательный российский ученый дал немало научно обоснованных ответов на вопросы, поставленные перед государствоведческой теорией существенными инновациями, проявляющимися в развитии государств в третьем тысячелетии.

Во введении к монографии С.Г. Павликова «Власть в правовом государстве» справедливо отмечается, что в юридической литературе нет недостатка в исследованиях правового государства; в то же время автор отнюдь не скрывает своей пессимистической оценки, а именно: «Что же нового может дать читателю настоящая работа? Вынуждены при-

знать – немного, ибо для формирования правового государства не нужны ни активное законотворчество, ни такое его “изучение”, когда практически любая научная монография или статья содержит предложение принять еще один нормативный акт, который самым фактом своего существования победит коррупцию, бедность и т.п.» [3, с. 5].

Воздавая должное самокритичности автора, рассмотрим подробнее то, что он пишет в монографии в развитие своей позиции, сформулированной кратко во введении таким образом: «В данной монографии доказывается, что правовое государство и экономически сильное государство – во многом тождественные понятия: преувеличение роли права, коей грешат многие современные (особенно развивающиеся) страны, столь же спорное явление, как и умаление его роли» [3, с. 8] (выделено мною. – Л.А.).

Такое утверждение само по себе весьма спорно, ибо, во-первых, можно без специального поиска назвать экономически сильные государства (к примеру: Объединенные Арабские Эмираты, Исламская Республика Иран, Бахрейн), которые отнюдь не являются правовыми по определению; во-вторых, преувеличить роль права в правовом государстве не представляется возможным, так как имманентным признаком и свойством последнего выступает утверждение принципа верховенства права.

Совершенно бездоказательным выглядит приписывание «многим современным оппозиционерам» (без уточнения, кого именно имеет в виду С.Г. Павликов) необъективности и отнесение к ним весьма гипотетизированного тезиса А.И. Солженицына о том, что якобы «нет человека, напечатавшего хоть страницу – и не солгавшего» (к тому же используя некорректный прием выдергивания фразы из «Архипелага ГУЛАГА», написанного по вполне определенному поводу) [3, с. 9]. Не удивительно, что С.Г. Павликов далее замечает, что «власть в правовом государстве должна сдерживаться оппозицией, в книге предпринята попытка затронуть эту проблематику, но она вряд ли будет удачной по ряду причин» [3, с. 9], при этом он ссылается в оправдание «самоиндульгенции» как раз на необъективность сегодняшних оппозиционеров и «непродуктивность их псевдонаучного подхода, базирующегося на отрицании ценности государства и права» [3, с. 10].

Справедливости ради следует отметить, что специальный параграф в первой главе посвящен именно проблеме «Власть и оппозиция власти в правовом государстве», однако суть его содержания и основной пафос направлены на анализ и критику политических взглядов преимущественно представителей так называемой «несистемной оппозиции» [3, с. 29 – 43]. Вместе с тем, соглашаясь с тезисом С.Г. Павликова в том, что «мешать и противодействовать власти – не есть продуктивная задача оппозиции; ее представителям необходимо разрабатывать альтернативные социально-экономические и правовые проекты, доказывать власти и обществу необходимость их реализации...» [3, с. 42-43], ни в коей мере не могу согласиться с его же заключительной в процитированном предложении фразой в части того, что оппозиция не должна «ставить самостью взятие власти в свои руки» [3, с. 43]. Это не согласуется с сутью оппозиционной деятельности партий, разумеется, если они претендуют на приход к власти в органах государства законным и одновременно легитимным путем строго в рамках действующих в стране основ конституционного строя и норм избирательного права.

В отличие от второго параграфа первой главы ее третий параграф «Власть конституции в правовом государстве и судебный конституционный контроль» более глубоко и взвешенно раскрывает названную проблематику с использованием как сопоставления и критического осмысления позиций ряда авторов, так и удачных аллюзий из произведений классиков российской литературы [3, с. 43 – 71]. В этом контексте вполне солидарен с четким тезисом С.Г. Павликова, а именно: «Если мы не возьмем за точку отсчета действующую российскую Конституцию, не признаем ее незыблемость и, если хотите, «священность» – стабильное развитие общества будет поставлено под угрозу, – неизбежно массовое нарушение прав и свобод человека, включая право не только на неприкосновенность, но и уже на жизнь» [3, с. 51].

Совершенно прав автор монографии, когда пишет о недопустимости отождествления терминов «контроль» и «надзор» и указывает на такую «цель реализации контролирующими органами своих функций», как обеспечение не только законности, но и целесообразности акта «с позиций соблюдения в первую очередь прав и свобод человека и гражданина» [3, с. 60].

Привлекает особое внимание четвертый параграф первой главы монографии «Конституционная доктрина правового государства», которую автор почему-то начинает с отдельных тезисов, воспроизводящих публикации о мусульманском праве, а затем резко переходит к российской правовой системе и ее доктринальным источникам. И только после двух десятков страниц текста с обсуждением различных подходов к пониманию правовой доктрины, включая конституционную доктрину, С.Г. Павликов излагает четыре обобщенных принципа формирования «конституционной доктрины современного правового государства» [3, с. 94 – 98], в том числе и принципы «справедливости государственного устройства» [3, с. 94], «... целесообразности минимально возможного государственного принуждения» [3, с. 94], «... примат прав и свобод человека» [3, с. 96]; демократических начал и реального плюрализма, народовластия [3, с. 97]. В данном случае явно прослеживается эклектическое смешение надуманных (первых двух из вышеперечисленных) и реально обоснованных принципов правовой государственности.

Что касается пятого параграфа первой главы, в котором утверждается, что конституционная экономика является составной частью концепции правового государства [3, с. 98 – 120], то его контекст, на наш взгляд, не убеждает в правильности вынесенного в заголовок параграфа названия, а итоговый якобы очевидный аргумент о правовом государстве как государстве «с высоким уровнем доходов на душу населения» [3, с. 120] (упомянем всё же «нефтяные» монархии Персидского залива) не доказывает тесной связи не вполне определенной и спорной концепции «конституционной экономики» с признаками правовой государственности.

Достаточно интересна, хотя и крайне перенасыщена цитатами (только в первом параграфе имеется шесть десятков ссылок на 13 страницах текста) вторая глава работы «Институты гражданского общества и правозащитная деятельность в правовом государстве». Здесь подчеркнем свою полную солидарность с авторской позицией о нецелесообразности изменения Конституции России. «Отсутствие в ней упоминания о гражданском обществе, – действительно, – не повод для трансформации Основного закона страны» [3, с. 134]. Разделяем мы и подходы С.Г. Павликова к оценке существенной роли правового государства в развитии гражданско-

го общества, изложенные во втором параграфе той же главы [3, с. 134 – 146]. Вместе с тем не вполне согласимся с его же тезисом о якобы «невмешательстве» правового государства в дела гражданского общества [3, с. 146], что вообще-то противоречит тому, что написано в этом параграфе.

Третий параграф этой же главы, по нашему мнению, представляет собой хотя и связанный с общей проблематикой исследования, но всё же автономный сюжет в монографии, напрямую не вносящий вклад в разработку избранной темы, тем более, что и в этом тексте не наблюдается самостоятельной авторской концептуальности.

Особо следует остановиться на главе 3 «Демократические феодальные республики: элементы правового государства в истории России». Эта глава, на наш взгляд, наименее удачна в контексте ее научного и методологического инструментария. Само утверждение (вынесенное в заголовок первого же параграфа этой главы) о якобы возможности исследования феодальных республик в качестве «прообраза правового государства» [3, с. 160] не находит своего убедительного обоснования в содержании текста. Автору, как мы уверены в том, не удалось вполне реализовать его же собственное пожелание, а именно: «Хочется не запутывать читателя и не оскорблять своих ученых коллег, а сформировать взвешенный подход, на который можно опереться в бесконечном процессе поиска исторической истины» [3, с. 160]. Указывая на весьма незначительное количество дошедших до нас источников, С.Г. Павликов тем не менее утверждает, что Великий Новгород был государством, имеющим «зачатки правового и демократического строя» [3, с. 165]. Отмечая также «недостоверность многих летописных источников» [3, с. 167]. Однако это пишет о том, что в

Х–XV вв. в пределах северозападных земель России можно было «обнаружить признаки правового государства» [3, с. 161 – 162]. Однако это ничем не доказывается в последующем изложении, даже при наличии текста третьего параграфа этой же главы под весьма спорным названием «Новгородская и Псковская феодальные республики: значение исторического исследования для развития современной концепции правового государства».

Вывод, которым завершается данный параграф и монография, все же выглядит гиперболизированным и искусственным.

В целом же монография С.Г. Павликова в определенной мере придает своеобразный импульс дискуссии о характере властеотношений в правовом государстве и представляет собой небесполезную и небеспочвенную попытку заглянуть в историю становления российской государственности из современности, используя обширную литературу по исследуемой проблематике, что, конечно же, хотелось бы видеть в более системном и методологически более выверенном изложении.

Литература

1. Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Мирошкина О.И. Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты: монография. М., 2012.
2. Тихомиров Ю.А. Государство: монография. М., 2013.
3. Павликов С.Г. Власть в правовом государстве: монография. М., 2014.
4. Спенсер Герберт. Развитие политических учреждений. СПб., 1882.